

Антон Нечаев

ПАКИЦЕТ

Я впервые увидел его, странного, несуразного, с сильным дельфиним хвостом и маленькими копытцами, в Википедии, когда ринулся восполнять очередные внезапно открывшиеся пробелы в образовании. Серега, догнав меня на лестнице, поинтересовался, с подковыркой, геологическими периодами, запомнить которые для меня всегда было сложностью. Все эти девоны, карбоны и кембриии не вызывали в голове никаких ассоциаций, не привязывались ни к чему, и поэтому, попадая на секундочку в мозг, тут же из него испарялись. Владеть информацией в современном мире не такое уж достижение, утешал я сам себя, это прежде за информацией стояла усердная, усидчивая работа, поиск источников, недели в библиотеках, а сейчас... Стукни по клавишам, и через мгновение все, что знает Вселенная, прямо перед тобой. И «Улисс» сейчас, да и тривиальная эрудиция не удивит никого. Но он — он поражает. Необычный, загадочный, в то же время сам отвечающий на загадку, ведь мало кто верил, что ряд животных вернулись в море, скептики требовали предоставить им переходный вид, что-то сухопутное и морское в одном организме, и тут возник он, хищный, проворный, сильный, стремящийся в глубину, отвергающий общий вектор движения. Серега продолжал ехидно допытываться про стратиграфическую шкалу, а я восхищенно пялился на картинку, мысленно отмахиваясь от упрямого надоеды, всей фантазией, всей душой устремившись в древние времена, когда по земле бродило это своевольное независимое животное. И ни обуздать ведь его, бормотал я, ни оседлать, ни заставить работать. Всей своей волчьей, оленьей, кабаньей, китовой наружностью он извещает: мне с вами не по пути. И если мы стадом, толпой стремимся к вершине, среди наших лиц, рыл, морд виднеется, ускользя, упрямый, упругий хвост пробирающегося в обратном направлении зверя.

— На Калинина новый винный магазин открыли, — сквозь облачный пар разгулявшегося воображения услышал я голос Сергея, — может, сходим, посмотрим?

Сергея, кандидат физических наук, специалист по уфологии и полтергейсту, в отделе геологии откровенно скучал, ему не хватало общения. Чтобы привлечь к себе интерес, завязать разговор, он периодически едва слышно стучал ногой по столу, изображая робкого барабашку, но я, к сожалению, не интересовался паранормальной жизнью. Совсем.

Мы спустились на первый этаж, где за стеклом вахты скучал охранник-пенсионер Слава.

— Начальство сейчас приедет, — бросил он нам вслед.

Перед выходом Серега замялся.

— Начальство приедет, а нас нет. К тому же у меня есть пара вопросов к Губилову. Может, ты один в магазин сходишь? Если что, я в доле, ну и по поводу ассортимента — звони, чтобы вместе решить.

Мысли о пакиците не выветривались у меня из головы, и я был рад пройтись в одиночестве.

За стальными пятиметровыми воротами, защищающими территорию от посторонних, ожидал внедорожник начальника.

— Почему не открываете, изверги? — полушутя, полусердито пробурчал Игорек.

— Слава спит, а я в магазин, Серега ждет приезда Губилова. По-сигналь, может кто-нибудь и услышит.

Игорек кивнул и начал что есть мочи давить на клаксон. Под непрекращающиеся сигналы я свернул за угол, подошел к мистическому перекрестку.

Около десяти лет назад пьяная компания молодых людей на «гелике» сбила на этом перекрестке заведующую отделом Серафиму Степановну. Машина протащила ученую, кандидата наук, около пятидесяти метров по улице, шансов на спасение не было. А подвыпившая молодежь и не заметила смерти старушки. Однако через четыреста метров машина-убийца по непонятной причине перевернулась, все, кто был внутри, моментально погибли. Их ужасную гибель оплакивал весь город.

Я старался улицу в этом месте не пересекать. После той аварии перекресток оборудовали светофором, и некоторым водителям приходилось теперь притормаживать, когда горел красный, но ос-

новной поток так и несся, увлеченный собственной мощью и скоростью.

— Никакой мистики, просто хамство и глупость, пренебрежение не только своей, но и чужой жизнью, — бормочу я себе под нос, пытаясь выдавить из реальности ее необъяснимую составляющую.

Но просто так ощущение иноприсутствия не уходит. То там, у дальнего светофора, то посреди дороги мне мерещится призрак старушки, немой, полупрозрачный силуэт, сквозь который пролетают машины. Магазин находится на другой стороне улицы, и пересечь опасный участок необходимо, в противном случае придется совершить приличный крюк по району, в котором тоже небезопасно. «Калинина рулит» — начертано на ограде, за которой скрывается построенный еще японскими военнопленными двухэтажный домик-руина, заселенный недоброжелательными наркоманами.

Я выбираю третий путь, предпочитая магазину через дорогу небольшой супер вверх по улице, где хоть и цены повыше, но жители поспокойнее, и опасных перекрестков с историей на пути не встречается. Возможно, именно так и поступил бы древний независимый пакицет.

На другой стороне мужчина интеллигентной внешности за остановкой, в ожидании троллейбуса, справлял большую нужду. Редкие прохожие, стараясь не смотреть в его выпученные сумасшедшие глаза, ускоряя шаг, проносились мимо. Минуту я наблюдал за этим буддистским действием. До нужного магазина было еще около пятисот метров, но торопиться мне было некуда: весь рабочий день впереди. Мужчина, не торопясь, исполнил все необходимые процедуры, выпрямился, застегнул измазанные глиной или чем-то похожем штаны, помахал мне рукой. Я, сделав вид, что не замечаю его приглашающего к общению жеста, двинулся дальше, боковым зрением приметив по правую сторону от мужчины расплывчатый силуэт старушки. «Вот опять, — досадливо морщусь я на новое вмешательство потустороннего мира, — почему эти призраки не могут никак успокоиться?»

Невдалеке замаячил троллейбус, старушка ласково взяла мужика под локоть, подвела к краю дороги. Я с трудом сдержал порыв броситься на помощь несчастному, уберечь его от неугомонного привидения, желающего отомстить всем живым, но чем бы я мог помочь? Чертов безумец не только не поверил бы мне, а, скорее

всего, попросил бы денег или просто отнял бы их у меня, пригрозив ножом-выкидухой, который в районе Калинина есть у каждого. А деньги именно в тот момент мне были нужны, ведь я собирался приобрести в магазине бутылку чего-нибудь веселящего, и на работе меня ждал Серега.

Троллейбус, покачиваясь, подплыл к остановке, встречные потоки пассажиров смешались, и я потерял странную пару из виду. Когда автобус отъехал, на остановке уже никого не было. Секундочку, я точно видел, что к остановке приближался троллейбус, серый, потертый, неторопливый, как все троллейбусы в мире. И никакого автобуса рядом не было. Как же вышло, что на остановке случилась такая подмена? Или это у меня произошел сбой в восприятии, возможно, я отвлекся на что-то еще, более близкое, на моей стороне улицы, или туманная тень пакицета помутила мое сознание, перепутала вещи, погрузила во временную дыру... Пакицет и временная дыра — связь тут, безусловно, просматривается, ведь на месте пакистанского кита в эволюции, как ее видят ученые, существовал пробел, который, собственно, пакицет и прикрыл своим спасительным появлением. Он будто связал эпохи, как иголкой, своим пружинистым мускулистым телом. И та же иголочка потянула время назад, в первоначальную стихию, в которой когда-то давно появились первые микроскопические организмы.

— Мужик, ты не доведешь меня до дома? — раздался голос с края дороги. На низком заборчике, огораживающем газон, сидел приличного вида парень. — Третью неделю пью, понимаешь, все нормально было. А сегодня вышел в магазин, и ноги отказали. Вот присел на забор, и ни вперед, ни назад.

Я огляделся, поблизости никого, и рассказ его походил на правду. На простом, неглупом лице застыла тихая блаженная радость, без признаков беспокойства или тревоги. Вопреки отказавшимся подчиняться ногам. Но это можно понять: три недели приятного отдыха, который организовал себе парень, создали ему благостное настроение. Я предложил ему на меня опереться, и мы двинули к ближайшему зданию. Ноги действительно его не слушались, волочились за ним бесполезные, как веревки; он едва на них опирался.

Во дворе на детской площадке дети играли в бутылочку. Похоже, бутылочка выбрала не ту пару, поскольку заплаканная дев-

чушка лет пяти-шести непрерывно восклицала, раскачиваясь, как в мантре: «Не хочу целоваться с Сашей, не хочу целоваться с Сашей». В полуметре от нее, опустив голову, стоял расстроенный Саша, а остальные три-четыре ребенка дергали девочку за рукава красной кофты, требуя соблюдать правила. Но завидев нас, вползающих в обнимку во двор, детишки оставили свои игры и бросились к нам наперегонки.

— Дядя Толя, дядя Толя, — как оглашенные кричали они, — что с тобой случилось?

— Ничего, родные мои, мои хорошие, — ласково улыбался им повисший у меня на плече парень, — захворал немножечко, видите? Вот добрый человек мне помогает.

— Слушай, — обратился он ко мне вполголоса, — я им всегда конфет покупаю, вот и сейчас в магазин за конфетами шел, да не дошел. Будь другом, купи им конфет немного, а я пока тут на лавочке посижу, оклемаюсь. Вот тебе деньги. — И он протянул мне пятисотрублевую бумажку.

Я осторожно дотащил его до скамейки, взял купюру.

— А каких конфет-то купить?

— Все равно, они все кушают. Только много не бери, для здоровья вредно, да и баловать чересчур деток тоже ни к чему. Купи рублей на двести, а остаток себе возьми, хороший ты человек, помог мне. Иди, а я посижу, с детками пообщаюсь да с голубками поразговариваю.

Глянув на детвору, застывшую в сторонке в ожидании моей реакции, я похлопал паренька по плечу и развернулся назад к магазину, куда направлялся до этого. За моей спиной раздалось громогласное детское ура. Я помахал детишкам рукой, словно обещая, что скоро вернусь со сладостями, хотя совсем не был уверен, что сумею вернуться. Некогда мне разносить по дворам конфеты — на работе меня ждал Серега.

Лавируя между машинами, хаотично припаркованными во дворе, я вышел к скособоченной беседке еще советских времен, зашел внутрь, присел на лавочку. Пахло сыростью и гнилой древесиной, точно так же, как в тот вечер в этой же самой беседке, когда Наташа позвала меня погулять.

— Ты не хочешь обратить на меня внимание, — обидчиво-утвердительно заявила она по телефону, когда я уже шагал домой.

— Очень хочу, — покладисто отвечал я, — но в данный момент я иду в главный корпус.

— Но ты же вернешься? До конца рабочего дня еще четыре часа.

— Конечно, вернусь, — обещал я.

Возвращаться не хотелось, но Наташа была красива.

Она много времени проводила у меня в кабинете, изучая нашу рабочую программу. Усаживалась в мое кресло, упиралась грудью в край моего стола, разводила в стороны плечи. Я сидел по ее правую руку, делая вид, что увлечен причудливым устройством программы, а на самом деле вдыхал запах ее духов и изо всей силы сдерживался, чтобы не кунуть ее обнаженную руку. Иногда она вела меня в свой кабинет, и мы вместе вносили в компьютер данные из архивов, я диктовал ей из пыльных потрепанных книг наименования и номера, она, сидя напротив, стучала пальчиками по клавиатуре. В конце каждого часа работы ей необходимо было вытянуться, размять мышцы, поговорить о чем-то, не связанном с нашей непосредственной деятельностью. Подобные разговоры, она считала, повышают концентрацию и продуктивность. Примерно в середине такой работы она скидывала туфли и оставалась босой до конца дня, а туфли, как правило, со стельками золотого цвета, валялись у меня под ногами, нежно блестя, словно крохотное и недостижимое созвездие.

В беседке она дала подержать себя за руку. Я попытался ее поцеловать в губы, но было уже темно, да и она повернула голову, поэтому удалось ее чмокнуть лишь в район переносицы, на что она естественно и незамедлительно рассмеялась.

— Ты неловкий, — констатировала она.

Я почувствовал, что краснею, и возблагодарил Всевышнего и мэрию за отсутствие фонарей на улицах. В темноте она не заметит мое смущение. Но она заметила, она была очень умная девушка.

— В темноте не видно, но я знаю, что ты покраснел, — прямо заявила она.

Я, жалкий глупец, зачем-то стал отпираться вместо того, чтоб улучшить свое стратегическое положение попыткой нового поцелуя.

Мы пошли вдоль речки Бугач, где тихо плескались ондатры, мимо частных домов, вдоль высокой бетонной ограды наркологического диспансера. Невдалеке шумела оживленная магистраль. По пути нам встретился сонный теленок, который привязался к нам

как собака, некоторое время шел следом. «Потерялся, наверное», — рассеянно думал я, совершенно забыв о Наташе. Но выйдя к трассе, при свете уличных фонарей, я увидел ее глаза, полные слез.

— Что такое, что случилось с тобой? — разволновался я, беспокоясь, не обидел ли я ее чем-нибудь.

— Ничего страшного, — лепетала девушка, вытирая слезы, — просто этот бычок... Он напомнил мне родину.

Кто-то легонько похлопал меня по плечу. В беседке стояла девушка, что отказывалась целоваться с Сашей.

— Ты не пошел за конфетами? — расстроено спросила она.

— Уже иду, милая. Устал вот немного, присел отдохнуть.

— Но ты же принесешь нам конфет?

— Конечно, — я кивнул и поднялся с лавочки.

— Принеси поскорее.

Глаза этой девочки напоминали глаза теленка, того, что заставил плакать Наташу.

На крыльце магазина стоял Губилов, озабоченно шаря в карманах.

— Что-то случилось? — Я хлопнул его по плечу.

— Да вот люди просят добавить им на бутылку. Обычно я ничего не даю в таких случаях, но эти заслуживают поощрения. За честность. Ведь могли же соврать, что на хлеб или, допустим, жена захворала.

— А я тоже как раз за бутылкой пришел. Мы с Серегой решили выпить немного.

— Дело хорошее, — одобрил Губилов, — только, кажется, у меня нет с собой денег, только карта, — он растерянно развел руками, — а я ведь так хотел помочь бедолагам.

— Я возьму это на себя, — успокоил я шефа.

В стороне топтались двое хмурых, нервных мужчин. Я подошел к ним с купюрой.

— А тот чего же? — хрипло спросил один из них. — Нам тот обещал денег. А тебя мы не знаем. Может, ты мент?

— А его вы знаете?

— Его тоже не знаем, но он не мент, это точно.

— Кто же он?

— Он порядочный человек. Слесарь, наверное, или сварщик. Скорее, сварщик, потому что лицо умное.

— Ну, как хотите, — развернулся я в сторону магазина.

— Постой, мужик, извини, совсем мой товарищ сбрендил, — подключился к разговору второй, — жена у него болеет, он и не соображает ничего от волнения. Дай нам, пожалуйста, денежку.

Я протянул купюру второму.

— А пьете вы что? — поинтересовался я. — Что в магазине берете?

— В магазине ничего не берем и тебе не советуем, отрава там одна. Мы у бабки Марьи чистый спирт покупаем, лучший напиток на свете.

— А где проживает старушка?

Один из них назвал адрес.

— Если хочешь, мы отведем тебя туда, представим, а иначе она не пустит, она пускает только знакомых.

Поблагодарив, я вежливо отказался. Зачем я вообще узнавал адрес бабки Марьи? Знаю зачем: чтобы поговорить с мужиками подольше, потянуть время, дожидаться, когда Губилов выйдет из магазина: мне не хотелось покупать бутылки при нем. Однако разговаривать стало не о чем, и мужики, понятно, спешили к своей расчудесной бабке, к ее волшебному спирту.

— Пойдем мы, — как-то робко, недружным хором объявили они. — И это... Ты не думай, мы все вернем до копейки, вот увидишь. При первой возможности...

«Ага, конечно», — скептически усмехнулся я и, вздохнув, вошел в магазин.

В магазине Губилова не было. У прилавка с конфетами сгрудилась недавняя уличная детвора. Завидев меня, девочка с глазами теленка, завопила истошно, указывая на меня пальцем:

— Вор, он украл наши деньги!

Вся детская шайка в один голос ее поддержала:

— Вор, вор, вор!!!

Я застыл в растерянности у входа, кассирши и продавщицы поглядывали на меня осуждающе, краем глаза я заметил приближение охранника у меня за спиной. Отступать было поздно. На мое запястье легла стальная, накаченная ладонь.

— Спокойнее, гражданин, без резких движений. Сейчас во всем разберемся, — услышал я предостерегающий голос охранника. Менеджер уже куда-то звонил. — Я бывший старший оперуполномоченный с самым высоким в нашем районе процентом раскрытия преступлений по горячим следам, — продолжил вещать охранник мне в правое ухо, — сейчас ты увидишь, как работают профессионалы. Жулик, — зачем-то добавил он.

— В чем проблема, детишки? Только не все сразу, кто-то один. Вот ты, — новоявленный дознаватель взглядом указал на девочку, — рассказывай!

— Он украл наши деньги, — завизжала девчонка, — проверьте, у него в правом кармане наши пятьсот рублей.

Охранник извлек из моего кармана мятую пятисотку, победоносно на меня глянул.

— Вся проблема наших следственных органов в том, что они слишком затягивают расследование. Большинство дел можно раскрыть в течение первых пяти-десяти минут с момента совершения преступления, — назидательно обратился охранник к замершему в восхищении торговому залу. — Петя, звони ментам! —скомандовал он немного ошалевшему от круговерти событий менеджеру.

— Уже, — заикаясь, пролепетал Петя, — однако, они сказали, что надо подождать, сегодня день урожайный на преступления.

— Всегда у них так, — проворчал охранник, пряча пятисотку себе в карман, — когда они до зарезу необходимы, их нет. Ты откуда здесь взялся вообще? Живешь рядом или работаешь?

— Работаю в квартале отсюда.

— А к нам зачем заявился?

— С коллегой решили маленько отдохнуть да обсудить накопившиеся рабочие проблемы.

— Видать не на что отдыхать-то было, поэтому деток по дороге ограбил?

— Не грабил я никого, это они попросили...

— Ладно, ладно, не заливай, — перебил меня бывший оперуполномоченный, — сейчас к тебе на работу пойдем, здесь тебя все равно держать негде. Там ментов и дождемся. И не вздумай рыпаться, только хуже будет.

Я пожал плечами. Покидая магазин, я обернулся на группку детишек, так и стоявшую у прилавка, и показал девчонке с телячьим

взором язык. Она в ответ подмигнула лукаво и тут же обратила жалостливый взор к продавщице, что-то активно объясняя и кивая в моем направлении. Пожилая сердобольная тетка тут же начала собирать по горстке конфет каждого вида для обиженных ребяташек.

— Веди, Сусанин, чего встал, — легонько толкнул меня в спину охранник, — надеюсь, ты не из ФСИН, они же тут рядом.

— Нет, — успокоил я своего пленителя, — мой офис дальше по улице.

— Это с динозаврами что ли?

— Он самый.

Дорога спускалась почти к самой речке Бугач, и мост ожидаемо подтопило; автобусы с низкой посадкой, проезжая, зачерпывали воду; внутри салона слышались девчачьи взвизги. По берегу разлившейся речки, как и обычно, расположились с нехитрой снедью — хлеб, лук, рыба, картошка, водка — шумные компании местных, тех, которые «Калинина рулит». Я невольно засмотрелся на пару обнаженных рыжих девиц, разлегшихся у самой воды; кажется, я их видел в овощном ларьке у таджика Степана, где я покупаю яблоки; тогда девки заигрывали с таджиком, скромным улыбчивым парнем, уже полгода ожидающим приезда супруги с родины. Мне сразу стало понятно, что одна из девиц больна чем-то распространенным и венерическим, только я не мог сообразить, какая именно. Тогда я спешно покинул ларек, даже не купив яблок, поскольку заметил растущее любопытство этих девушек ко мне.

А сейчас они, окунув ноги в Бугач, прихлебывая дешевое вино из картонной коробки, преспокойно загорали без верха, и это в районе, где после семи вечера девушке, даже полностью укутанной в паранджу, появляться небезопасно. А девчонки лежали, как ни в чем не бывало, так близко друг к дружке, что, казалось, сливались в одно существо с двумя белыми животами, четырьмя грудями и двумя копнами рыжих густых волос.

— Знаю я их, — пробурчал, заметив мое внимание к девушкам, охранник, — шалавы местные, Марта и Клара. У Марты триппер, если что; она на учете в венерологии на Брянской много лет состоит. Постоянно чем-то заражается. И других заражает.

— А кто из них Клара, а кто Марта?

— Не помню точно. Лучше с ними не связывайся.

Мы пошли по мосту по колено в воде, охранник, зарываясь мощными ногами-копытами в воду, создавал бурлящие водовороты; раздражаясь на мое неспешное продвижение в этой массе жижи и мусора, он, задрав могучую волчью голову, вырвался чуть вперед. Фигурой, осанкой, мощью он неожиданно напомнил мне эндрюсарха, вымершего гигантского копытного хищника, смесь медведя и волка, обитавшего в Монголии.

На другой стороне улицы у дверей столовой в ожидании открытия собиралась густая очередь одинаковых серых людей, работников баз, повсеместно раскиданных по району. Овощи, фрукты, одежда, стройматериалы, посуда, рабочий инструмент — все продавалось в маленьких складах-магазинчиках по оптовым ценам, исследовать которые обожал наш отдел. Вот и сейчас я всматривался в проходы между складами, заваленные ящиками, коробками и поддонами, в надежде увидеть Николая Петровича или Галину Ивановну, которые могли бы меня спасти, убедив моего ретивого конвоира в моей несомненной благонадежности. Но никаких знакомых не видно, и мы уже подходим к железным воротам, за которыми в целости и сохранности спят мои динозавры.

— Что-то есть захотелось, — задумчиво протянул охранник.

— У нас на кухне есть кое-какая еда. Ничего особенного, но червяка заморить можно, — предложил я решение.

— Нет, дружок, хочется хорошего горячего кушанья, полноценный обед. Сейчас столовая открывается, пойду я, пожалуй, перекушу.

— А как же я? Мое дело? — молвил я в изумлении.

— Подождет твое дело, — буркнул эндрюсарх, скрывая улыбку в могучих скулах, — иди, чаю попей, расслабься. А пятьсот рублей я верну их владельцу, — он помахал бумажкой перед моим носом. — И не попадайся на примитивные разводы впредь. Могут быть последствия и похуже.

Я непонимающе на него уставился.

— Господи, что за дурень! — воскликнул охранник. — Как ты вообще в этом мире живешь? Схема у нас такая: я, безногий парень и дети; продавщиц, этих скупых стерв на конфеты разводим, что непонятного? Дали бы они когда деткам конфеты бесплатно, как ты думаешь? А обманутым бедным крохам, которых подло провел такой пройдоха. как ты, сразу выдали по полкилограмма на брата.

Уразумев смысл этой странной бескорыстной аферы, я рассмеялся.

— А дети-то чьи, дворовые просто?

— Частью дворовые, а частью наши. А девчонка-заводила — дочурка моя распрекрасная, большой артистический талант.

— Поздравляю от всей души с такой даровитой дочерью.

— Спасибо, — расшаркался охранник в смущении. — Пойду я питаться.

— Приятного аппетита!

Он направился в сторону мистического перекрестка, а я, потоптавшись у ворот, все же решил зайти: зачем-то я тут оказался. Сразу за воротами с хриплым лаем на меня бросился Дик — молодой кобель, подобранный кем-то из наших еще щенком и прижившийся, ставший членом команды. Избавиться от Дика непросто: круглосуточно он требовал с ним играть в догонялки, а тех, кто не поддерживал его шаловливое настроение, норовил цапнуть за ногу. Я, чтобы уважить псину, немного побегал от него по двору, чем привел его в невероятный восторг; перевозбужденный, он никак не хотел меня отпускать, кидался ко мне на грудь, клацая здоровенными зубами. Наконец, мне удалось заскочить в помещение, где меня тут же негодующим воплем встретил пенсионер Слава.

— Где ты пропадал? — загавкал он на меня. — Тебе Губилов уже час названивает из главного корпуса. Он не придет сегодня, у него на даче электрический столб сносят, он срочно рванул туда.

— Как уехал, — опешил я, — я только что встретил его в магазине.

— Не знаю, кого ты там встретил, но он к нам и не собирался. Поэтому все вопросы, которые вы хотели ему задать, откладываются на неопределенное время.

— Я и не хотел ему ничего задавать, это Серега хотел.

— Кстати, Серега тебя не дождался и сам пошел в магазин. Может, ты не Губилова там встретил, а Серегу?

— Нет, именно Губилова и детей, и эндриусарха.

— Кого, кого?

— Неважно. Кто же на месте?

— Не знаю. Я сменяюсь сейчас, если сменщик придет, а за всеми вами не уследишь. Николай Петрович пошел по базам гулять,

Сергей, как я уже сказал, в магазин. Наташа на месте, Галина Ивановна вроде бы тоже тут.

На втором этаже в туалетах слышалось недовольное ворчание уборщицы Люды, грохот ведер, журчание унитазной воды.

— А, это ты, — бросила она вместо приветствия, — где пропадал?

— По делам ходил, по работе.

— Знаем мы твою работу, — продолжила классический уборщический гундеж Люда, — на базу, поди, шастал или в магазин за бутылкой. Тебя, вон, Наташка наверху заждалась, в программе работать хочет. А Серега в магазин улизнул, теперь жди неприятностей. И сортир снова загадили...

— А Марсела закончила уже своих бабочек?

— Кто за твоей Марселой следит, надоела она всем до чертиков.

Поднявшись на третий этаж, я, видя открытое хранилище насекомых, минуя свой кабинет, захожу в царство Марселы, которой не оказывается на месте. Сажусь в мягкое крутящееся кресло, рассматриваю фотокарточки многочисленных родственников Марселы на столе под стеклом — приземистый смуглый народ на фоне южных степей Абакана. На стене сразу над коллекцией ядовитых паукообразных — проткнутый булавками в разных местах портрет известного писателя Аркадия Гайдара, устроившего, по некоторым историческим трактовкам, около ста лет назад геноцид хакасского народа и считающегося до сих пор у хакасов кем-то вроде Посланника Дьявола.

— Ты что тут расселся? — послышался из дверей голос Марселы, а следом явилась и она сама, как всегда в густом макияже и с оголенными аппетитными плечами. — Мы у тебя в кабинете битый час ждем. Наташка шампанского принесла и виски, хочет знакомство с очередным богатеньким буратиной отметить. Идешь?

— А как же Серега, он же в магазин ушел, может быть, и егождемся?

— Да ну его, он скучный, к тому же напивается постоянно. Ты знаешь, что он ко мне приставал? Прижал меня к стенке, обмацал, поцеловать пытался.

— Это потому, что он считает тебя колдуньей. Он говорит, что тот, кто тебя поцелует, возьмет твою силу.

— Идиот, — рассмеялась Марсела, — нет никакой во мне особенной силы, только шарм, красота и очарование. Бог с ним, пойдем же скорее. — Она схватила меня за руку и вытянула из кресла. — Пойдем, у нас весело.

Не успев завернуть в свой кабинет в конце коридора, я увидел Галину Ивановну, которая бодро мне помахала.

— Тебе Губилов звонил, — крикнула она, — он не придет. У него электрический столб на даче рухнул.

— Я знаю, — заорал я в ответ, — иди к нам шампанское пить.

— Нет, лучше ты к нам — чай. Сейчас Александра Константиновна в гости придет, соскучилась по нам, и полгода без нас на пенсии не выдержала.

— Хорошо, зайду обязательно, вот только фонды проверю.

Марсела изо всей силы дернула меня за рукав, и я буквально влетел в собственный кабинет, где в изящном танце сама с собой кружилась неподражаемая Наташа.

— Садись за стол, руководи музыкой, наливай и молчи, — приказала она, и я не замедлил повиноваться.

По правую руку от меня окно, за окном — крыша, по округлым ребрам которой ступает Наташа, высоко поднимая колени, дурачась. На фоне светлого закатного неба она похожа на пьяного журавля. Вслед за ней на крышу пытается вскарабкаться и Марсела, но сначала ей нужно покорить широкий, недавно пристроенный подоконник, который никак не хочет ей покоряться. Я дружелюбно поддерживаю ее зад, круглый и мяконецкий, как подтаявшая в обертке конфета. Она тоже хочет топтать по крыше, тоже хочет казаться киношно-стройной на фоне летней, быстро тускнеющей синевы. Пухлая приземистая Марсела.

— Налей мне еще немного, — кричит из дальнего угла крыши Наташа, и Марсела, не успев отойти от окна, вопросительно обращивается ко мне:

— Нальешь?

Я подаю ей стаканы и блюдо с печеньем, Марсела осторожно шагает к Наташе, и вот они уже устроились на самом краю, почти что над тротуаром, метрах в пятидесяти от них внизу автобусная остановка, но в этот час на ней никого, да и машин проезжает

немного; некоторые успевают заметить девушек, беспечно болтающих ногами на виду у всего района, со стаканами алкоголя в руках, блондинка и брюнетка, стройная — мини, полная — спортивный костюм, и сумасшедше сигналият, пытаясь привлечь их внимание. Но девушкам не до случайных сигналов, им нужны сигналы устойчивые, надежные, постоянные. Наташа рассказывает о своем новом избраннике с «мерседесом», одинокий богач без вредных привычек, налаженный немудреный бизнес. Наташа елозит бедрами по блестящей жести, впивается дорогими ногтями в кирпичную кладку, огораживающую здание от остального мира; закатывает глаза. Марсела слушает, как водится, раскрыв рот. Очевидно, этот парень очень хорош, слишком хорош, и не только в материальном аспекте.

Я смотрю на причудливые девчачьи головки, склонившиеся доверительно друг к другу, два капризных цветка. На крышу мне лень забираться, я подливаю себе виски в стакан и продолжаю поиск хорошей музыки в своем рабочем компьютере. Одна песенка сменяет другую, моя личная коллекция и безразмерный ютьюб иссякают, а нужной мелодии нет и нет, мелодии, чтоб отвлечь сердце, повела танцевать, вернула девиц и меня на землю, в тепло рабочего кабинета. Их — с крыши, а меня — от мыслей о пакиците, который снова всецело завладел моим разумом. Я знаю, что мы вернемся, войдем в привычную и спасительную рабочую обстановку, мы и так рядом, хотя славно и заманчиво быть не здесь, унести или, скорее, быть унесенным нежным ветром, летним умирающим вечером. Но, чтобы вернуться, нам нужна музыка, легкая, лучше всего испанская или латиноамериканская мелодия. Наконец, я включаю Шакиру, ничего более оригинального не сумев придумать, и поворачиваю колонку к окну. Гортанный голос колумбийской арабки поет что-то про бедра, и Наташа с Марселей немедленно отвлекаются от беседы о кавалерах, торопятся поближе к колонке, в комнату, в тепло, ко мне. И мой пакицет на время уходит, махнув жестким непокорным хвостом.

Я собираюсь расспросить Наташу о хахале с «мерседесом» и о ее планах на жизнь, но она не отвечает, снова уходит в себя, танцует, танцует. В дверь кабинета стучат. Я бы не открывал, но наше присутствие не скроешь, ведь рычит и грохочет Шакира. На пороге улыбающаяся Галина Ивановна.

— Александра Константиновна принесла торт и приглашает всех присоединиться, идете?

— Конечно, идем, — высказывает в коридор Марсела, следом за ней Наташа.

— Спустишься вниз за Славиком? — просит меня Галина Ивановна.

Я киваю и иду к лестнице. Начав спускаться, замечаю, что стена лестничных пролетов раскрашена разными цветами, повсюду аккуратные надписи. Стратиграфическая шкала, полная, от катархея до кайнозоя, с первого по третий этаж. С утра ее точно не было. Серега с его вечными выдумками-подковырками, больше некому. С намеком на мое нетвердое знание всех периодов. А может, и без намека, по доброте душевной, чтобы все, наконец, в отделе выучили те времена, в которых они работают. Я легко нахожу где-то между первым и вторым этажами самое основание эоцена и рисую шариковой ручкой, которая всегда со мной, маленькую корявую фигурку пакицета, глядящую вдаль веков на причудливый эволюционный пейзаж, фигурку одинокую и беззащитную, как человек-наблюдатель на некоторых картинах Дали, наблюдающий за процессом, исключенный из главного действия. Подумав немного и вернувшись на несколько ступенек вверх, в самом конце эоцена я корябаю мощного эндрюсарха, окруженного стаей тьявкующих мезонихий, расплзшихся уже по всей многомиллионнолетней эпохе.

Внизу из вахтерской послышались голоса. Трое незнакомых мужчин вместе со Славой вглядываются в записи с камер.

— У них там слепая зона, — быстро объяснил Слава, — уличные камеры не захватывают наш участок. Только с наших камер можно что-то увидеть.

— Это так, — подхватил один из мужчин, — но, к сожалению, что-то конкретное разглядеть невозможно слишком аппаратура дешевая: не разобрать ни лиц людей, ни номеров машин, только общая картина событий.

— Это уже не ко мне вопросы, — взъерепенился Слава, — какой у нас бюджет на охрану, знаете?

— Мы без претензий. Просто хотим определить истину. Да и городские камеры ничуть не лучше.

— Да что случилось-то? — не вытерпел я.

— Человека на перекрестке сбили. Насмерть. Машина, по всей видимости, из нашего переулка выворачивала. Пытаемся отыскать эпизод.

Я взгляделся в экран. Люди, автомобили, серая спешащая масса. Вот прямо под камерой проходит Серега, направляется в магазин, Клара и Марта, назагоравшись, игривой походкой идут в ту же сторону, а вон, кажется, промелькнул Губилов.

— Вот же Губилов, — ору я Славе, показывая на экран, — я говорил, что видел его. Значит, он приезжал все-таки.

— Да отстань ты со своим Губиловым, не было его, звонил он, у него столб на даче сносят. Видишь, мы делом заняты, сбит человек насмерть, водитель скрылся, а ты тут со своим Губиловым. Понимать надо!

Я присмотрелся внимательнее к происходящему на экране. А где же эндрюсарх, примерно в это же время он должен был пересекать мистический перекресток, где в очередной раз случилась авария. Машины двигались, пешеходы шли, а мощного, легко узнаваемого силуэта охранника нигде не было видно.

— Послушайте, — обратился я к полностью ушедшим в созерцание экранной картинки специалистам, — в это же самое время я подходил вот с этой стороны, — я указал на экран, — и со мной был еще один человек, который потом направился как раз к перекрестку, он хотел поесть в столовой на базе. Но его почему-то нету на записях.

— Как он выглядел? — не глядя на меня, поинтересовался один из гостей.

— Крепкий, мощный, на медведя похож. Работает охранником в магазине рядом.

Все четверо переглянулись.

— Он на перекрестке лежит. Его сбили, — хмуро ответил самый возрастной из гостей.

Я опешил, на секунду вылетели из головы пакицеты и эндрюсархи, Наташи и Галины Ивановны.

— Можно пойти посмотреть?

Все четверо дружно пожали плечами.

На тротуаре на другой стороне улицы лежало накрытое простыней тело. Рядом стоял полицейский. Прохожие, отводя глаза,

пробежали мимо, боясь зацепить несчастье. Тело по очертаниям не казалось таким огромным, каким был эндрюсарх, но после смерти тела уменьшаются, это известно, опадают легкие, вваливается живот, раскисает мускулатура. Под простынею вполне мог быть и он, арестовавший меня охранник, только немного уменьшенный. Чтобы выяснить это наверняка, надо было пересечь перекресток. Я собрался с духом, обеими ногами встал на бордюр, оглянувшись во все стороны, приготовился ступить на проезжую часть.

— Вот ты где! — раздался за моей спиной радостный голос. — Тебя как за смертью посылать. Где ты весь день пропадаешь? Пришлось самому двинуть за пойлом, благо Губилов сообщил, что не явится. Значит, никаких дел на сегодня нет. — Позади меня, широко улыбаясь, с густо набитым фирменным пакетом из алкогольного магазина стоял Серега. — Идем?

— Что ты там купил интересного? — не сдержав любопытства, спросил я.

— Пойдем, и узнаешь, — загадочно подмигнул Серега.

Я бросил взгляд на лежащий на другой стороне улицы труп.

— У меня тут одно дело на пару минут, — объяснил я, — разберусь и приду.

Серега посмотрел в направлении моего взгляда.

— А кто там? — встревожился он. — Не из наших?

— Нет, нет, — я его успокоил, — но, кажется, я знал этого человека.

— Хорошо, дружище, выясняй, что должен, и приходи.

— Там наверху девочки у меня в кабинете, — крикнул я ему вслед, — они подвыпили немного, будут тебе рады.

Серега кивнул. А я шагнул на дорогу, прямо под несущийся на меня троллейбус.

Мимо меня пронеслось замершее в гримасе ужаса лицо женщины-водителя, узкая прокуренная кабина, поручни, потертые кресла с кое-где дремавшими пенсионерами.

Я плюхнулся на свободное место рядом со старушонкой с еще советскими авоськами, набитыми китайской лапшой. Кузов троллейбуса, его лобовая часть, чудесным образом разверзшаяся и впустившая меня внутрь, мгновенно срослась, как только я оказался рядышком со старушкой. Или все-таки я оказался в автобусе?

— В Стахановском бананы выбросили, — доверилась мне старушка, — еду туда, вдруг достанется. Хотя можно представить, какая там очередь. Как за колбасой. Ты стоял когда-нибудь в очереди за колбасой, внучек?

— Нет, не стоял, — честно ответил я, и тут же вспомнил ораву невыспавшихся мужиков со всех окрестных заводов у дверей колбасного магазина в пять-шесть утра, уходивших с ночных смен, чтобы занять очередь.

В моем детстве магазин под названием «Колбаса» примыкал к моему двору.

— Говорят, — продолжила монолог общительная бабуля, — это вьетнамские бананы. И их нельзя есть. Во время вьетнамской войны американцы им всю землю химическим оружием отравили. Весь мир отказался у Вьетнама бананы покупать, а наши дураки, как всегда, согласились, лишь бы братскому народу помочь. А о своих людях не думают. Как мы их есть-то будем, там же гербициды одни?

— А китайская лапша у вас откуда? — почему-то спросил я.

— А это, внучек, редкий деликатес. Знакомая только что вернулась из Китайской народной республики, муж у нее там работал несколько лет, горно-обогатительный комбинат строил. Привезла мне гостинец.

— Остановка «База», — равнодушно сообщила водитель.

Дверь-гармошка разъехалась. На крыльце магазина стоял Николай Петрович и махал мне рукой.

— Выходите скорее, пойдем по базе гулять.

Я на секунду замешкался.

— А вы не будете меня щупать? — с осторожностью спросил я.

— Да сдались вы мне, честное слово. Конечно, не буду, что мне щупать некого больше?

Я медлил. Водитель вопросительно посмотрела на меня в зеркало. Я кивнул:

— Выхожу.

Николай Петрович незамедлительно схватил меня под руку.

— Но-но, — одернул я старика, — вы обещали.

— Помню, помню. Но можете вы хотя бы поддержать пожилого человека во время прогулки. А если я упаду?

В окне магазина я заметил моего охранника-эндрусарха, бесечно болтающего по телефону, заметил и почему-то обрадовался: значит, он жив, и тело на перекрестке под простыней не его.

Праздным шагом мы с Николаем Петровичем направились к базе, по дороге заглянув в крошечное почтовое отделение, где у Николая Петровича были дела. Пока он стоял в очереди, пока спорил о чем-то с другими клиентами, я разглядывал женщин-операторов за стеклом, нехитрый быт их уютного офиса. В задней комнате на подоконнике чайник, салфетки, в дальнем углу за компьютером, по всей видимости, заведующая, строгая полноватая женщина. А девчонки и вежливые, и шустрые, и внимательные, и, несмотря на очередь, работая, внимают рассказу моего коллеги о Португалии, где он побывал прошлым летом. Поневоле и люди в очереди начинают прислушиваться к истории туристических походов Николая Петровича по узким улочкам Лиссабона, описаниям азулежу и диплома-удостоверения о посещении мыса Рока. Из конца очереди раздается голос:

— Самый удивительный азулежу в Коимбре. — Молодой человек, отдаленно напоминающий народного артиста Евгения Миронова, также отважился привлечь к себе внимание очереди, а заодно и Николая Петровича.

— Вы там бывали? — немедленно обратился Николай Петрович к внезапно объявившемуся собеседнику, искрясь от любопытства.

Молодой человек кивнул. Николай Петрович, набрав в грудь побольше воздуха, приготовился вступить в заинтересовавший его диалог, который мне не довелось услышать. Зная, до какой степени мой коллега обожает рассказы о путешествиях, а также народного артиста Евгения Миронова, я предпочел незаметным образом удалиться.

Спустившись по деревянному крыльцу почтового отделения, я очутился на шумной улице, в пятнадцати метрах от остановки. На секунду я замер в нерешительности. С левой стороны — нараспашку разверстые ворота базы, куда, без сомнения, спустя время направится Николай Петрович; совсем рядом — автобусы и троллейбусы, которые за три минуты вернут меня на работу, где Серега, выпивка, девочки... Мимо меня с музыкой из открытых окон пронесся грязный по самую крышу «гелендваген». Внутри роскошно-го автомобиля веселилась подвыпившая молодежь.

— Или собьют кого-нибудь, или сами же разобьются, — мрачно заметил вслед летящей машине груженный сумками седобородый старик, показавшийся странно знакомым. Солнце над Караульной горой как-то особенно заблестело; вдалеке в частных домах пронзительно завыл пес. И я вспомнил, где я видел этого старика: его фото было в газете, год или полтора назад, а может и больше, имя его, конечно же, выветрилось у меня из головы, но то, что он — человек известный, ученый с мировым именем, лауреат премий и кавалер орденов — это я запомнил надежно. Газета тогда сообщила, что этот седобородый ученый скончался, собственно, в газете был помещен его некролог.

Старик, по-видимому, возвращался с базы: из сумок торчали хвосты мороженных рыб, сквозь полиэтилен пакетов виднелись разнообразные овощи. Старик ковылял к остановке.

«Вряд ли я так ошибаюсь, — лихорадочно соображал я, — и могут ли в одном городе жить два одинаковых человека»? Я еще раз взглянул на пакеты, покачивающиеся в напряженных руках ученого: к одному из огурчиков прилип ценник.

«Это невозможно», — шокированный, я бормотал про себя. Стоимость огурцов была примерно в четыре раза ниже нынешней. Цена из прошлого. Выходит, и дед из прошлого. Значит, и «гелендваген»... Солнце над Караульной горой еще раз сверкнуло многозначительно. В эту минуту Серафима Степановна запирает свой кабинет на ключ, спускается по лестнице, цепляет ключ на крючок на вахте; скоро она окажется на мистическом перекрестке, который ей не удастся пройти. А, может, удастся, ведь теперь у нее есть я, человек из будущего, в шкуре своевольного пакицета? Роковой автомобиль с пьяными пассажирами уже скрылся за поворотом, до катастрофы осталось минуты четыре. Позвонить на вахту, попробовать ее задержать? Я набираю в мобильном номер, к телефону, естественно, никто не подходит: все всегда заняты не тем, чем необходимо. Наконец, раздается голос Славы:

— Алле! Кто это?

— Слава, это я, — спешу, слова лепятся одно к другому, образуя неповоротливый пластилиновый ком. — Серафима Степановна уже ушла?

— Какая Серафима Степановна? — не понимает меня Слава. — Кто это вообще? Мы тут все Татьяну Ивановну ищем.

— Какую Татьяну Ивановну? — недоумеваю, спросил я и тут же вспомнил.

Так звали заведующую, руководившую отделом до Серафимы Степановны. Она ударилась в религию, устраивала на рабочей кухне душеспасительные беседы, посещала и церковь, и молельные дома разных конфессий, и в один прекрасный день исчезла. Заявление об увольнении не подавала, отпуск не брала, никому не сказала ни единого слова, просто не явилась на службу, и больше ее не видели. Говорят, встречали похожую женщину в Енисейских монастырях, пробовали заговорить, но та оказалась глухонемой таджичкой, от суровости среднеазиатского быта переметнувшейся в православие. Я не был знаком с Татьяной Ивановной, как и с Серафимой Степановной, поскольку устроился на работу позже.

— Аллэ! — надрылся Слава на другом конце линии. — Кто это, кто звонит?

Я медленно отвел трубку от уха, прекратил разговор.

— Молодой человек, вы, вы с телефоном, — послышался возглас, топот ног по крыльцу почты. Несколько запыхавшихся, взволнованных мужчин и женщин бежали ко мне.

— Пенсионер на почте, вы же с ним были? — кричали они на ходу.

— Возможно, — отвечал я не очень уверенно, не зная точно, о ком идет речь.

— Пойдемте скорее, вашему другу плохо.

В отделении на полу с багровым лицом лежал без движения Николай Петрович. Вокруг него сгрудились люди, в помещении было душно, пахло клеем и нечистой одеждой.

— Можно открыть окно? — попросил я, присев рядом с попавшим в беду товарищем.

Где-то затрещали створки, но прилива свежего воздуха я не почувствовал. Николай Петрович зашевелился.

— Где он? — еле слышно пробормотал он.

Я склонился ухом к его губам, пытаюсь разобрать каждое слово.

— Где он? — снова повторил полуобморочный старик.

— Кто? — не понял я.

Чтобы ответить Николай Петрович минуту собирался с силами.

— Португалец, — наконец, выдал из себя он.

— Португалец? — изумленно повторил я.

Николай Петрович кивнул.

— Что вы с ним разговариваете? — закричали в толпе. — Срочно звоните в скорую, у него же очевидно инсульт, или инфаркт, или что-то подобное.

Николай Петрович снова погрузился в глубокий обморок. Я достал телефон, но услышал, что кто-то уже разговаривает с больницей.

— Машина будет через пятнадцать минут. С ним кто-то должен поехать.

— Я поеду, — обещал я, — он мой сослуживец. Только позвоню на работу, чтобы нас не искали.

Галина Ивановна, Наташа, Слава, Серега, Марсела — никто не удосужился взять трубку. Ответил один Игорек.

— В больницу ты не едешь, — строго проговорил он, — поедет Губилов, он уже в курсе.

— А как же его столб, подняли?

— Проблема там решена, и это не твоя забота в принципе. Возвращайся в офис, тебя Барков ждет с чучелами, ему помочь надо.

— Иду. — Я бросил прощальный взгляд на распростертого у моих ног коллегу.

Лицо его побледнело, краснота ушла, нижняя челюсть отпала; он по-прежнему не шевелился, напоминая кургузой бесформенностью антракотерия.

— За ним в больнице присмотрят, — успокоил я вопросительно глядящую на меня публику, — меня вызывают на службу.

Толпа смиренно и уважительно потупила взгляды: только при очень важной работе можно оставить умирающего человека без помощи.

Я козырнул, развернулся на каблуках и вышел прочь.

Перед возвращением на работу я все же решил прошвырнуться по базе: захотелось купить что-нибудь к общему столу, порадовать сослуживцев. Я шел, осматривая морозильники, полные мороженой кеты, трески и горбуши, и витрины, каждый миллиметр которых был расчетливо разделен между худосочными образцами сыра и колбасы; завернул к Степану. Свежий сочный среднеазиатский арбуз будет лучшим угощением для всего коллектива — так я решил. Вместо всегда приветливого, улыбчивого, общительного Степана за

прилавком стояла тоненькая стройная девушка, напряженно всматривающаяся в какие-то бумаги. Среднеазиатка, по всей видимости, таджичка, родня Степана. Вся в черном, густые черные брови, сходящиеся на переносице. Глубокие, немного растерянные глаза. Полсекунды рассматривая ее, я и сам растерялся. Слишком уж она беззащитна, слишком слаба для нашего сурового мира.

— Можно арбуз? — попросил я тихонько.

Она мучительно на меня посмотрела и не двинулась с места.

— А где Степан? — зачем-то спросил я.

Растерянность в ее взгляде лишь усилилась. Она недавно приехала — наконец, до меня дошло, — и не понимает по-русски.

— Она недавно приехала, — раздался из недр ларька бодрый голос Степана, — она еще ничего не понимает.

— Ничего страшного, — весело проорал я, — как ее зовут?

— Это моя жена, — Степан назвал имя, — я сейчас выйду.

— Не надо, дружище, мы разберемся, — успокоил я вдруг загрохотавшего ящиками невидимого Степана.

Но арбуз мне покупать расхотелось. Не отрывая глаз, я смотрел на девушку в окружении персиков, яблок и помидоров, одинокую девушку в непонятной стране, нежную, хрупкую, как археоптерикс. Я решил не пытаться ее больше вопросами, не истязать ее теплые аккуратные ушки сложной славянской речью. А хамски указывать пальцем на товар, который мне хочется, даже не пришло в голову. Нельзя с нею так. А отдел... Обойдется отдел без арбуза. Не отводя глаз от ее точеной фигурки, пятясь, я покинул ларек и направился к остановке.

Однако из соседнего павильона меня окликнули:

— Где твои девушки-красавицы, а? — помахал мне рукой азербайджанец Вася, что одобрительно мне подмигивает масляными глазенками каждый раз, когда я захожу на базу с Наташей и Марселей, собирая стол к очередному празднику.

— Работают, — неохотно среагировал я.

— Вау, работают! Не должны такие девушки работать, разве что... — Он ухмыльнулся похабно, и взгляд его снова неприлично замироточил.

— Вот, возьми, передай своим красавицам от меня. Скажи, Вася с рынка угощает. Бесплатно. — Он протянул мне небольшую симпатичную дыню.

Увидев, что у меня нет пакета, добавил и пакет. Я ткнулся носом в шершавый желто-серый бок, кивнул в знак благодарности. Аромат исходил восхитительный. Смешать этот запах с прохладой журчащей невдалеке реки, с зеленью прибрежных ив, в легких бензиновых парах от мчащегося по мосту автотранспорта — такой нехитрый коктейль мне захотелось попробовать, сладко-манящий напиток большого города, чьим неприветливым ребенком я навсегда останусь. Какой же коктейль без капельки алкоголя? На выходе из базы я сворачиваю в алкогольный маркет, собственность калининского олигарха Олега. «К тому же Серега, наверняка, опустошил весь свой запас», — добавляю себе мотивации, поскольку приобретение крепких алкогольных напитков всегда связано с большими угрызениями совести.

— Могу предложить вам тайский ром, — любезно сообщила продавщица-бурятка с загадочным именем Саран. Постоянные покупатели ласково звали ее Саранка. — Вы же из... — она назвала мой офис, — ваши регулярно у нас отовариваются.

Разговаривая со мной, Саранка шустро вертелась за прилавком, меняя местами товар на полках, передвигая ящики, наводя маршфет. Она была красива той особенной красотой Азии, которую несут в себе бурятские женщины, в привлекательности ничуть не уступая прославленным на весь мир гуранкам. Я хотел заговорить с ней, чтобы, если повезет, увидеть ее улыбку, но Саранка слишком увлеклась работой; к тому же меня ждали коллеги, начальство, дела. Едва я повернулся, чтобы выйти, как продавщица меня окликнула:

— Кстати, сегодня ваши были уже.

Я удивленно на нее воззрился.

— Да, мужчина, Сергей, кажется, с двумя девушками. Они просили вам передать, что будут на берегу речки в районе моста.

— Откуда они могли знать, что я зайду? — не удержался я от вопроса.

— Вы же пошли с коллегой на базу? Так они сказали. А после базы вы всегда к нам заглядываете. — И она улыбнулась, сверкнув снежными очаровательными зубами.

— Сергей, наверное, все пытается добиться поцелуя Марселы, — размышлял я, спускаясь к реке, — и для усиления романтичности обстановки потащил девчонок на берег.

У самой воды я заметил двух наших девчонок, прилегших на камни. Сергей почему-то отсутствовал. «В магазин побежал, на-верняка», — решил я и окликнул погруженных в созерцание речного потока девушек.

Ими оказались Клара и Марта. Или Марта и Клара, которые, завидев меня, приветливо и приглашающе помахали, как старому знакомому. Я присел рядом с ними на камешек. Несмотря на еще не очень жаркое солнце, они загорали, скинув блузки, доверчиво подставив белые спины под жидкие солнечные лучи. Я вытащил ром и дыню, разложил на камнях пакет и глянул на них вопросительно. Девушки согласно кивнули. Я отвинтил пробку и протянул бутылку ближайшей ко мне девице. Закинув голову, она отхлебнула из горлышка небольшой глоток: цвет напитка в бутылке и рыжая густая копна волос на фоне прохладного солнца сплелись в удивительно теплую живую картину. Клара (или Марта) передала бутылку подруге.

— Тебе лучше уйти, парень, — доброжелательно сообщила одна из них, — мы не против с тобой провести время, погулять, выпить чего-нибудь, но сейчас Ашот придет, он пошел на базу, ему ларек закрывать надо. Через минуту вернется. Он не очень обрадуется, застав тебя здесь.

Девушки благородно протянули мне дыню и едва начатую бутылку, но я настоял, чтоб они оставили угощение у себя. Тогда одна из них, Марта или Клара, спрятала мое скромное подношение у себя в рюкзачке, подальше от глаз Ашота.

«Где же тогда моя компания?» — размышлял я, поднимаясь к дороге, чтобы с высоты внимательней осмотреть берег. По другую сторону моста, протянув ноги к воде, также сидела группа отдыхающих, только их было не трое, как я рассчитывал, а четверо. Но одна из них точно была Наташа: второй такой совершенной женской фигуры не встретишь не только в районе Калинина, но и во всем Железнодорожном районе. В этот раз уже я отчаянно замахал руками, стараясь обратить на себя внимание, но ребята были поглощены разговором, в котором, как мне удалось издалека разглядеть, солировал четвертый, мне незнакомый участник. Лишь заметив мое приближение, друзья отвлеклись от беседы. Девушки потягивали странную мутную жидкость из пластиковых стаканов.

— Это Ашот, — указал Серега на незнакомца, — он нам рассказывает о тонкостях ведения бизнеса в современных условиях.

Мы обменялись рукопожатиями. Я присел на корточки между Ашотом и Серегой, напротив девушек. Наташа была бледна, а Марсела, напротив, раскраснелась и, кажется, захмелела. В пяти метрах от нас на другом берегу реки сидел с удочкой угрюмый старик. Сергей уловил направление моего взгляда.

— Этот старикан сердится. Он считает, что мы чересчур шумим и своими разговорами распугиваем его окуньков.

— Хотя мы тихие, как мышки, — кокетливо поведя плечом в сторону Ашота, пролепетала Марсела.

— Николай Петрович в больнице, — вдруг вспомнил я, — плохо себя почувствовал в...

— Мы знаем, — перебил Серега, — Губилов звонил уже. Спрашивал, когда ты вернешься. Тебя Барков третий час ждет. Ему должны аппарат по вывариванию костей доставить. А всех рабочих увезли на дачу Слонового, там проводка сторела, менять надо.

— При чем тут я?

— А кто Баркову поможет? Там тяжелое все, поднимать нужно. А я не могу, у меня поясница. — Серега, морщась, почесал спину. — Не Наташе же чаны стальные носить.

Я взглянул на Наташу: она щурилась на солнце, подставив теплу обнаженные плечи. Ее мускулатура не произвела на меня особого впечатления.

— Тогда я пойду? — словно спрашивая разрешения, проговорил я.

— Да, наверное, так будет лучше, — нахально ответил Серега.

— Хорошо вам посидеть, — произнес я, поднимаясь.

— Подожди минуточку, я с тобой, — неожиданно оживилась Наташа и в одно мгновение оказалась от меня по правую руку, на ходу поправляя блузку.

— Как с тобой, не надо с тобой, — запротестовал Ашот, — зачем уходишь, эй, давай посидим еще, пообщаемся...

— Вы дадите мне порыбачить сегодня? — зашипел с противоположного берега угрюмый старик.

— Зачем ругаешься, дед? — переключился Ашот на невезучего рыбака. — Молодежь отдыхает, разговаривает, никого не трогает, зачем ты весь день злой такой?

— Я не злой, — возразил дед, — ты меня еще злым не видел. — Он пробурчал что-то неслышное и полез в выдавшую виды походную сумку.

— Пойдем отсюда, — взяла меня под руку решительная Наташа, — мне поговорить с тобой надо.

Я не стал ни о чем спрашивать. Поднявшись к улице, я быстро откинул взглядом берег: Марты и Клары как не бывало.

— Надоели они мне все до чертиков, — начала монолог Наташа, — одно и то же с утра до вечера. Нудные, скучные, примитивные. Еще этот Ашот прицепился. Шлялся зачем-то у реки, наверное, девок искал познакомиться. Сергей и пригласил его посидеть с нами. А может, он маньяк какой? Зачем приглашать каждого встречного-поперечного?

— Он приставал к тебе? — вставил я слово.

— Не успел. Еще бы минут десять-пятнадцать, и мне от него не отбиться. Слава богу, ты появился.

За нашими спинами где-то внизу у реки раздался хлопок. И сразу — истошные крики, которые не вызвали ни у меня, ни у моей спутницы ни малейшего интереса. Бешено ревели проносящиеся автомобили, и то ли на этом фоне, то ли сам по себе, но голос Наташи становился все тише и все печальнее.

— У тебя остался коньяк в хранилище? — мрачно спросила она. — Почему бы нам не посидеть немного, запершись ото всех? Никого не слышать, не отвечать никому. Согласен?

Коньяк, как мне помнится, действительно был. И замок в моей берлоге работал. Я кивнул утвердительно.

«Закроемся. Посидим. Не переживай, родная моя, — проговорил я мысленно, — поделись со мной тем, что тебя тревожит. Я же вижу: что-то произошло, что-то идет не так, как ожидало твое мягкое, девичье, отзывчивое сердечко».

У наших ворот нервно топтался Барков, курил, хотя официально расстался с курением несколько лет назад.

— Губилов звонил, — мрачно сообщил он, завидев меня, не обратив ни малейшего внимания на Наташу.

— Я пока к себе поднимусь, — повернулась ко мне Наташа, — или, если что, можно у тебя в хранилище посидеть?

— Конечно, — я дал ей ключи, — бутылка у окна за шкафом.

— Спасибо, но я лучше тебя подожду.

Барков глянул угрюмо, как Наташа удаляется к вахте.

— Вообще не работает? — кивнул он на нее.

— Что там с Губиловым? — игнорировал я его реплику.

— Варочной машины не будет. Губилов поднял документы, оказывается, мы уже такую машину заказывали и даже получили.

— Где же она?

— Никто не знает. На даче у кого-то, наверное.

— Но зачем? Она здесь нужна, тебе, мне. У меня коллекция рысьих костей по мешкам полиэтиленовым рассована, мясо на костях гниет, кульки раскрывать страшно. Так же и медведи, козули, олень северный... Из чего скелеты собирать прикажете, из костей с мясом?

— Будто мне она не нужна, — продолжил угрюмо Барков, — сейчас вот медведей привезли молодых, в этом году их пруд пруди, в города выходят, на собак нападают, их уже отстреливать начали... Поможешь мне, к слову, перенести их, самому тяжело. Они там, у забора. — Он кивнул в неопределенном направлении плоской метопозавричьей головой.

Я быстро осмотрел все возможные точки, куда могли сгрудить медвежьи туши, но увидел лишь, что в кустах за двухметровым иван-чаем что-то шевелится.

— Они что, живые еще? — воззрился я на Баркова.

— Нет, нет, — успокоил меня чучельник, — как есть мертвые. Уже и остыли. Хорошие люди попросили их обработать, чтоб как живые были. Скоро начну. Уже и глаза новые из Китая получил. — Он вытащил из кармана куртки леску с нанизанными на нее глазами разного размера и цвета.

Я взял леску, пощупал стеклянные шарики — глаза будущих чучел, безразлично глядящие на божий свет.

— Так можешь? — еще раз спросил Барков.

— А варочная машина, ее мы больше не ждем? — скорее резюмировал, чем спросил я.

— Похоже, что нет. Заказ был, продублировать его на данный момент невозможно, две машины конторе не полагаются. А чтобы купить новую, надо списать старую. А где старая — неизвестно. Губилов не помнит, чтобы эту машину получали, но в отличие от Губилова, бумага все помнит, по документам она где-то у нас.

- Наверное, у Слонового на даче.
- А зачем ему на даче кости вываривать?
- Поди знай.

Мы направились в самый дальний угол двора, ближе к столярке и летнему туалету, которым пользовался исключительно Барков. Столярка была закрыта, по всему заброшенному участку валялся строительный мусор, доски, заросшие густо травой, стальные и деревянные ящики с непонятно каким содержимым. Кусты у забора снова зашевелились, заурчали злобно и плотоядно. Пятясь к нам спиной, из кустов показался Дик, волочивший по земле медвежью лапу средних размеров. Барков, исходясь матом, бросился к псу, пытаясь спасти от собачьих зубов ценную шкуру, но Дик, посчитавший медведя своей законной добычей, бросился на Баркова с остервенелым лаем. На морде собаки налипла черная густая кровь. Подумав секунду, я решил воздержаться от участия в межвидовом конфликте и ретировался.

- Если что, я у себя, — крикнул Баркову, заходя в здание.

На вахте у полусонного Славы взял запасные ключи от хранилища, поспешил к себе на второй этаж.

— Николай Петрович в больнице, — крикнул я на ходу Славе, чтобы эмоционально его взбодрить.

— Нет его там, — спросонья ответил вахтер, — Губилов его час там ждет, до сих пор еще не привезли.

Я пожал плечами:

- Пробки, наверное.

В хранилище, на четырехметровом фрагменте челюсти кита, одна идеальная нога на другую, сидела с понурым видом Наташа. На полу перед ней красовался коньяк, пластиковый стаканчик, лимон.

— Закрой дверь, прошу тебя. Сейчас поляки приедут, не хочу никого видеть.

Я запер дверь, сел перед нею на пол, скрестив по-турецки ноги. Чтоб не возвышаться надо мной, она вынуждено сползла с китовой кости и в точно такой же позе села со мной рядом.

- Выпьем? — с усмешкой предложила она.

Ей удалось достать только один стаканчик, на кухню за рюмками ей идти не хотелось: это вызвало бы ненужное любопытство на-

ших коллег. Я налил ей и после того, как она, зажмурясь, выпила, плеснул и себе. Напиток ласково соскользнул в желудок, согрел.

«Что у тебя случилось?» — так и подмывало меня спросить, но я сдержался.

Наташа посмотрела на меня удрученно. Кажется, я начал догадываться, что у нее стряслось.

— Жаль, что я не рухнула с крыши, — произнесла она и потянулась опять за стаканчиком.

— Когда это? — Я не понял.

— Тогда. Всегда. Когда мы отмечаем что-нибудь, мы с Марселкой всегда гуляем по крыше, лезем из окна твоего кабинета, ты что, забыл?

Нет, я не забыл.

— Но зачем тебе с нее падать?

— Потому, что я неудачница. Не получается у меня ничего.

Сейчас она разревется. Наташа проглотила коньяк, который я не забывал подливать, едва она бросала взгляд на стаканчик. Сам я решил не пить — по всему уже было понятно, что с поляками придется работать мне.

— Этот мужик меня бросил.

— Какой мужик?

— Тот, с «мерседесом». К тому же он женат оказался. Трое детишек маленьких. А Серега предупреждал меня с ним не связываться, говорил, что добра не будет.

— Серега? Когда он успел?

— Что успел?

— Поговорить с тобой об этом?

— А, позавчера ночью. Неважно. Он хороший парень, но он любит Марселу. Даже не любит, а просто хочет ее поцеловать. Тогда к нему перейдет ее колдовская сила. Так он думает. А Марсела отказывается с ним целоваться.

— Что же ты теперь будешь делать? — Я вернул разговор к Наташиной злой судьбине.

— Ты о чем?

— Об избраннике с «мерседесом».

— А, не знаю.

— Ты любила его?

— Наверное. Разве легко разобрать, любишь или не любишь. Он богатый, хотя и озабоченный слишком. Если б понадобилось, полюбила бы... Барков сегодня к Олегу звал, олигарху, — вспомнила вдруг она. — Сходишь со мной? Барков, похоже, хочет свести нас. Мне с тобою удобнее будет.

— Но меня не приглашали туда, — возразил я.

— Приглашали, Барков просто забыл.

— Барков внизу ждал варочную машину, а Губилов сказал, что машину уже давно приобрели и даже доставили. И где она, неизвестно. Ты не знаешь случайно?

— Может, у Игорька спросить?

— Какого Игорька?

— Нашего заведующего. Если к нам привозили, то он знает, наверное.

— Это могло и до него быть. А где Игорек? Его сегодня не видно, не слышно.

— Его всегда не видно, не слышно. Он же работает. У него докторская.

— Лучше ему не мешать.

— Воистину. Выпьем.

Мы допили коньяк, помолчали минуту. На лестнице раздались шаги.

— Китайцы приехали! — услышали мы голос Славы.

— Китайцы? — недоуменно я повернулся к Наташе. — Не поляки?

— Наверное, я перепутала. А, может, и те, и другие должны приехать, я не помню. Каждый день что-то меняется.

Я открыл дверь хранилища, позвал Славу. Тот уже вернулся на вахту и с кем-то оживленно беседовал.

— Где же китайцы? — закричал я через пролет.

— Барков заставил их медведей таскать.

Во дворе слышался бешеный лай собаки.

— С кем ты там разговариваешь? — спросил я вахтера.

— Губилов звонит. Просит оказать китайцам всяческое содействие. Один из них, правда, непонятно, кто именно, их самый великий профессор-палеонтолог. Мы должны проявить к нему особое уважение. А поскольку кто из них кто, мы не знаем, уважение придется проявить ко всем сразу и к каждому по отдельности.

— Спроси его, он дождался Николая Петровича в больнице?

— Не было у него времени. Николая Петровича должны были привезти с минуты на минуту, но позвонили из министерской комиссии по списанию предметов основного фонда, и Губилов больше не мог ждать. Все хорошо с Николаем Петровичем, жить будет.

Из этого сообщения я понял лишь то, что ни Губилов, ни кто-либо еще так и не знают, доставлен наш сослуживец в больницу или нет, и где вообще находится Николай Петрович.

— Не вешай трубку, — заорал я Славе и ринулся вниз по лестнице, — дай я с ним сам поговорю.

— Поздно, — хладнокровно ответил Слава из-за стекла вахтерской, когда я подлетел к нему на всех парах, — он уже отключился. Ты же знаешь нашего шефа — все бегом, все на ходу...

— А сменщик твой где?

— Не было еще. Жду.

Слава насторожился: кто-то тяжело оперся снаружи о входную дверь или усталые китайцы прислонили к ней медвежью тушу? Дверь распахнулась, и в холл ввалился Сергей, на плече у которого повис бездыханный Ашот с перевязанной головой; позади плелась измазанная в грязи и в ошметках травы Марсела.

— Человек ранен, — завопил Сергей, едва войдя в здание, — срочно бинты, спирт, что там еще полагается.

— Почему скорую помощь не вызвали? — Слава энергично схватил телефонную трубку.

— Что с ним произошло? — любопытствовал я.

— Положи трубку немедленно! — прислонив Ашота к стене, бросился к вахтеру Сергей.

Ашот, лишившись поддержки, стек по стене на пол.

— Его заберут в больницу, а он в розыске, нельзя ему скорую.

Слава медленно положил трубку.

— Этот сумасшедший дед на другом берегу Бугача, — уже повернувшись ко мне, разъяснил Серега, — после того, как Ашот с ним заспорил, достал из сумки бутылку с АСДТ и швырнул ее нам под ноги. Точнее, мы подумали, что это взрывчатка — рыбу глушить или что-то подобное. Ашот оступился, упал и ударился головой о камень. Марсела всего-навсего перепугалась. А я ничего, жив.

— Что же это оказалось на самом деле?

— Пустая бутылка из-под вина. Она не разбилась даже. Вот она, — Серега достал из-за пазухи зеленую бутылку из-под грузинского «Киндзмараули», — я забрал ее как улику, вдруг пригодится.

— Рана серьезная? Похоже, что да, он почти без сознания.

— Рана пустяшная. А сознание он потерял от испуга. Но помочь ему все же необходимо.

— Надо позвонить его родственникам или друзьям, — снова вмешался в наш диалог Слава.

— Он просил не звонить никому, все его родственники и друзья на базе работают и на рынке, если им сообщить, они сразу закроют ларьки и прекратят торговлю, а ему бы этого не хотелось.

На пороге появился Барков, весь в крови и медвежьей шерсти. На макушке красовался белый войлочный колпак.

— Уф, — запыхтел он, — еле управились... Про колпак не спрашивайте — китайцы подарили на память... Он хотел еще что-то сказать, но, увидев на полу мертвенно-бледного Ашота, осекся.

— У человека голова разбита, можешь помочь? — обратился к Баркову Серега.

Барков извлек из кармана пол-литровую бутылку с коричневой жидкостью, откупорил бутылку, нюхнул.

— Это самогон на травах, мой друг готовит по эксклюзивному рецепту, который он изобрел сам, — заявил Барков и поднес горлышко бутылки к носу Ашота.

Ашот вздрогнул, вздохнул, глаза его приоткрылись.

— Галину Ивановну надо позвать, — вспомнил Слава, — она же курсы медсестер заканчивала.

— Это, я думаю, можно, — согласился Серега и, взяв за руку Марселу, добавил: — Мы сейчас наверх, попросим Галину Ивановну спуститься, заодно приведем себя в порядок, согласна? — запросил он одобрения у Марселы.

Та кивнула.

Через минуту, громыхая тяжелой обувью, показалась Галина Ивановна, прихватившая с собой и нетвердо стоящую на ногах Наташу. Увидев раненого, женщины немедленно принялись за его лечение, а Барков тихонько отвел меня в сторону.

— У Олега готова очередная партия его напитка, — Барков зашептал мне в ухо, глазами указывая на самогон, — он приглашает друзей на презентацию. Я позвал и Наташу: может быть, они

найдут с Олегом общий язык, ведь Наташа любит богатых, а он богат, ты же знаешь. Ты хочешь пойти? Завтра к тому же намечается трудный день, Губилов только что мне позвонил, просил меня и тебя завтра приехать — к нам, наконец, привезли знаменитого шарыпозавра, скелет полностью собран, на семьдесят процентов это одна особь, но у дирекции появилась мысль соорудить и макет зверя в масштабе один к одному. Предстоит много работы, а перед работой неплохо бы и отдохнуть, как считаешь?

Мне идти не хотелось, но я почему-то согласно кивнул. Ашот, в умелых женских руках начав приходить в себя, застонал. Рана под бинтом оказалась совсем крохотной царапиной, Галина Ивановна с Наташиной помощью обработали место рассечения и шишку вокруг спиртосодержащей жидкостью. Ранку стало щипать, Ашот замотал головой, пытаясь утишить боль, попробовал встать, но поскользнулся и рухнул на пол в ручеек горячей воды, что сочился с лестницы. Женщины повскакали на ноги, завизжали. Со второго этажа из туалетов донесся успокаивающий окрик Люды:

— Не переживайте, это поляки окаянные кран сорвали, дикари ей-богу, кранов, что ли, не видели. Сейчас я его ключом подкручу...

— Поляки? — Я вопросительно посмотрел на Наташу. — Разве они приехали?

Наташа пожалала плечами.

— Я не помню, — растерянно сказала она, — приезжали какие-то люди, я впустила их в свой кабинет поработать, я не спрашивала, откуда они. И вообще мне стало казаться впоследствии, что визит этих людей мне приснился.

На вахте зазвонил телефон. Слава взял трубку, сделал нам знак:

— Потихе, это Слоновой звонит.

Мы замерли в благоговейном молчании, пока Слава поддакивал всеильному заму Сан Санычу. Медленно положив трубку, Слава обвел нас взглядом.

— Сан Саныч говорит, что отправлял нам киргизов. Здесь ремонт планируется, они должны были оценить объем работ.

— Так это, наверное... — Наташа вытянула руку в направлении двора.

Барков смутился.

— Я думал, это китайцы. Я их уже и домой отпустил.

— Со Слоновым сами будете разбираться, — постановил Слава.

— Нечего и разбираться, ничего страшного не случилось, надо будет — завтра еще приедут, — заметила Галина Ивановна. — А вот поляками надо заняться, что это они там одни, без присмотра.

Галина Ивановна заторопилась наверх.

— Я тоже поднимусь к себе на минуточку, — сказал я Баркову.

— Пять минут, — он переглянулся с Наташей, — мы тебя ждем во дворе.

Я поднялся к себе в кабинет, включил компьютер, ввел секретный код. За стенкой возились Сергей и Марсела, по крыше катилось закатное солнце. Я активировал программу, экран разделился на десяток ячеек — видео с камер внешнего и внутреннего наблюдения; то же самое, что и на вахте, только Слава следил исключительно за периметром. И о работе Славы всем было известно. Вот Игорь корпит над своей диссертацией, уткнулся в компьютер, рядом с ним — несколько небольших коробок, материал к его научной работе, поднимает трубку, звонит. Вот кабинет Наташи, он пуст, ведь Наташа внизу с Барковым, мечтает о светлом обеспеченном будущем с не самым противным мужчиной в мире, мужчиной, которого можно терпеть в быту — нормальные мечты нормальной обычной девушки. Я нахожу режим перемотки, отматываю назад на час, на два, на четыре, передо мною проходит весь Наташин трудовой день, как она сидит нога на ногу, смотрит в окно, пьет крепкий кофе, разговаривает по скайпу, возится с учетными карточками, и в один из моментов нашего рядового рабочего дня к ней в «офис», так она называет свою берлогу, действительно стучится делегация из пяти-шести человек, в основном девушек, они показывают Наташе какие-то бумаги, некоторое время они разговаривают, потом Наташа их уводит посмотреть наши хранилища, по ходу увлеченно что-то рассказывая. По-видимому, это и есть поляки, чей визит согласован еще несколько месяцев назад. Значит, все хорошо и беспокоиться не о чем, в здании нет никого, кто бы мог нанести вред нашим архивам или предметам хранения, а храним мы собственность государства, безопасность которой наша прямая ответственность.

Я мельком пробежался и по другим картинкам. Вот Люда, ворча, драит пол в туалете, Галина Ивановна пьет чай с Александрой Константиновной, а потом, оставив подругу допивать чай в одино-

честве, согнувшись, склеивает расползшийся от времени, наверняка еще дореволюционный гербарий. Николай Петрович, еще здоровый и крепкий, изучает в интернете сайты магазинов одежды. Я мог бы заглянуть таким же образом и в соседнюю комнату, где уединились Сергей и Марсела, но сдержался: вряд ли то, чем они занимаются там, имеет отношение к безопасности наших фондов.

Спустившись во двор, я застал Наташу одну. Она сидела на лавке, глядя в одну точку, кажется, на пятно облупившейся штукатурки на стене бокса на другой стороне двора. Над крышей бокса вилась лиловатый дым, как будто там что-то варили.

— Где ты пропал так долго? — жалобно спросила она. — Барков тебя не дождался и ушел в парикмахерскую «Золотой локон». Нам придется идти к его олигарху без него, он появится позже.

— Но я не знаю, где он живет! — воскликнул я.

— Знаешь, знаешь, — отвечала Наташа, — все знают. Вон в тех домах.

Она махнула рукой в сторону Караульной горы, и мы медленно двинулись в указанном направлении.

Узкий рыхливый переулок полз вместе с нами меж убогими старыми деревянными домишками, пока не открыл взору исходящее из него роскошное асфальтовое ответвление, снабженное свежей разметкой, красивыми дорожными знаками, хотя длина этого участка дороги не превышала и пятидесяти метров.

— Все оказалось несложно, — пробормотала про себя моя спутница.

Мы прошагали в открытые настежь ворота и двинулись на шум голосов, раздававшихся рядом с футбольным полем, обустроенным на территории олигарха. В глубине зарослей в беседке шипел шашлык, виднелись фигурки копошившихся над мясом людей. Я услышал знакомый голос, но решил, что ослышался.

Над углями колдовали два человека, по-видимому, работники нашего олигарха Олега: раздували огонь, переворачивали мясо, поливали его рассолом — в общем, делали все то, что принято делать на подобных мероприятиях. За столом со стаканами и бутылкой водки сидел хозяин, вполуха внимавший рассказам о дальних странствиях нашего коллеги Николая Петровича. Николай Петрович был бледен, но достаточно свеж, сидел ровно, прочно, правда,

голос его слегка скрипел, пропадал временами, казалось, через некоторое время он и вовсе исчезнет. Но Николая Петровича такое опасение не останавливало: он рассказывал и рассказывал, рассказывал и рассказывал об отелях, автобусах, питании, о склоках внутри туристических групп и о барыгах-гидах.

Завидев нас, Олег подскочил, обрадовано пошел нам навстречу, приобнял Наташу, крепко пожал руку мне.

— Спасибо, друзья, что пришли, — заворковал он, попутно оценивающим взглядом окинув мою спутницу, — и не только за это. — Он подмигнул заговорщически.

— За что же еще? — поинтересовалась Наташа.

— За то, что избавите меня от этого докучного монолога. — Он кивнул в сторону примолкшего Николая Петровича.

— Но откуда он здесь взялся? — не выдержал я. — Его полгорода ищет, а он сидит у тебя и водку пьет.

— Не знаю, — пожал плечами Олег, — спросите его сами. Его Барков позвал.

Для человека, заработавшего состояние на паленой водке, Олег был слишком вежлив и обходителен. Вокруг футбольного поля на его участке высились четыре трехэтажных особняка, два из которых он сдавал иностранцам, работавшим по контракту в авиационной компании, в третьем жили по очереди его бездомные друзья: ученые, актеры, разорившиеся бизнесмены; там частенько проживал и Барков. Четвертый особняк, отделанный саянским мрамором, с бассейном и баней на цокольном этаже занимал сам Олег с женой и ребенком.

— Это мое родовое гнездо, — объяснял хозяин выбор этого места, — сто лет назад в крохотной корявой избенке здесь жили мои прадеды. А лет двадцать назад я эту землю выкупил.

Он гордо расправлял плечи, вскидывал голову, пытливо косясь на Наташу, стараясь произвести на нее впечатление. Дабы не мешать гостеприимному хозяину деликатно охмурять гостью, я поспешил к нашему воскресшему сослуживцу с вопросами.

— А я и не был в больнице, — хмуро отвечал Николай Петрович, недовольный тем, что его прервали. — Уже в машине скорой помощи мне стало лучше, и я попросил меня отпустить, что они с удовольствием и сделали: в городе и без меня хворобых хватает.

— А потом вы куда направились?

— Пошел домой, отлежался, потом позвонил Барков, пригласил меня сюда, и вот я тут.

Николаю Петровичу очевидно не нравилось мое любопытство. Он слегка покраснел, налил себе водки и, задрвав голову, выпил ее, не закусывая. На шее у Николая Петровича я разглядел свежий, слегка кровоточащий шрам.

— Господи, а на шее у вас что, откуда появилось? — в испуге закричал я.

— Будет вам, — поморщился коллега, — хватит уже вопросов. Со мной все хорошо, у меня все замечательно. Врачи в скорой провели мне какую-то процедуру, что-то с кровеносным сосудом, вот шрам и остался. Давайте уже отдыхать, честное слово.

В беседку вернулись Олег с Наташей, оживленно беседуя. Олег, кажется, совершенно очаровал девушку. Николай Петрович кричал и кричал, пытаюсь вставить в их диалог хоть слово, но безуспешно: они совершенно увлеклись собой и друг другом. А я, вслушиваясь в интонации своего внезапно появившегося товарища, находил и тембр его голоса, и некоторые выражения достаточно странными, не присущими ему прежде. Николай Петрович в свою очередь демонстративно не обращал на меня внимания, пил водку и не оставлял попыток завладеть разговором. Через полчаса после нашего прихода на тропинке, ведущей с улицы, показался Барков. Первым его стриженую свежую голову заметил Олег и стал неистово орать и размахивать поддувалом для углей. Вслед за олигархом подхватили озорной зов и остальные, включая меня. Барков торопился, цеплялся за кусты, шагал непомерно широким шагом. Однако в ответ на наши крики на лице его, как можно было ожидать, не родились ни приветливая улыбка, ни даже усмешка. Барков был серьезен, даже печален.

— Что-то случилось, — одернул я развеселившуюся компанию, — посмотрите на Баркова, точно что-то стряслось.

Все смолкли, уставившись на приближающегося чучельника, ожидая с нетерпением объяснений.

— Слонового убили, — выпалил запыхавшийся Барков и тут же схватил бутылку, налил себе в первый попавшийся стакан горячий напиток, выпил залпом. По лицу его пробежала легкая судорога. — Что это? — задохнувшись, спросил Барков у Олега. — Водка? А где же твой фирменный?

— В магазины ушел, народ виски требует, — ухмыльнулся богач. — А мы лучше к традиционным ценностям приобщимся. Они и вкуснее, и безопаснее. Так что там с Сан Санычем?

— Только что Губилов звонил. Слоновой снова затащил к себе на дачу наших рабочих. Хотя ему говорили, что слишком часто не надо этого делать. То ли забор у него сломался, то ли канализация. Многие не хотели ехать, кричали, что работать на дачах дирекции не входит в их обязанности и не прописано в договоре. Слоновой пригрозил строптивцам увольнением. В конце концов, все, конечно, поехали, но на даче что-то произошло, что — точно пока неизвестно. Возможно, они опять поссорились, или кто-то не простил ему утренней размолвки, или же, как водится, из-за денег, ведь Сан Саныч им не оплачивал эти работы, даже премии не давал... В общем, травма головы у него, несовместимая с жизнью. Кирпичом долбанули или доской. Вся наша бригада уже арестована, будут выяснять, что там в действительности произошло.

Барков налил себе еще, выпил. Мы сидели онемевшие, ошарашенные. Сан Саныч, всем нам прекрасно знакомый, обаятельный балагур-взяточник-душа компании... Теперь его нет...

У Наташи затряслись плечи, набухли веки, она начала задыхаться.

— У нее истерический приступ, — пророкотал Николай Петрович новым незнакомым голосом.

— Я разберусь! — воскликнул Олег, подхватил девушку на руки и потащил в дом. — У нас на дзюдо были такие случаи, — прокричал он, удаляясь, — я знаю, что делать.

Спустились сумерки. Николай Петрович, Барков и я сидели молча в беседке, каждый погруженный в свои тяжелые мысли. Парни, готовившие шашлык, давно испарились, красные огоньки в мангале догорали сами собой в густой темноте вечера. Зажужжали настырные комары, Николай Петрович, пытаясь настичь комара, с размаху шлепнул себя по лысине; в месте удара, на крупном выпирающем лбу даже в полутьме стала заметна приличных размеров вмятина.

— Улетел, зараза, — буркнул ворчливо Петрович, проверил помятый лоб и аккуратно выправил повреждение.

Из дома олигарха раздались вопли ужаса. Через мгновение к нам по тропинке бежала полуодетая Наташа, на ходу напяливая на себя нечто похожее на пододеяльник.

— Поднимайся, уходим! — закричала она кому-то из нас.

Мы переглянулись.

— Господи, ну скорее же!

На этот раз ее призыв определенно был обращен ко мне. Не раздумывая, я вскочил с места, схватил ее за руку, и мы бросились к выходу, как два ошпаренных зайца. Серые деревянные развалюхи пролетели мимо нас, как в ускоренной съемке. Достигнув Калинина, мы остановились перевести дыхание. Погони за нами не было.

— Что же случилось? — спросил я девушку осторожно. — Если нет настроения — не говори. Или ты просто не захотела?..

— Я хотела, — промямлила она удрученно, — почему нет? Но у него...

— Что, слишком большой? Слишком маленький?

— У него там ничего нет.

— Как ничего нет, так не бывает.

— Я тоже думала, что не бывает. Впервые такое. Ничего вообще нет, пусто. Только железяка торчит. И болтики, винтики, проводочки... Я и испугалась. Еще разъем есть устройство зарядное подсоединять.

— Ты бредишь. — Я потрогал Наташин лоб, лоб был прохладный. — Что это за околесица?

— Я сама ничего не понимаю. Может, я сплю?

Мы двинулись обратно к работе, до которой было рукой подать. Во дворе на лавочке, расстроенный, сидел Серега, держа в руках пластиковую канистру, из которой он периодически отхлебывал.

— К тебе приходили, — он кивнул на канистру, — какие-то мужики, вроде приличные. Принесли напиток от бабы Марьи. Сказали, мы свои долги всегда отдаем. — Он снова хлебнул, поморщился, на глаза навернулись слезы.

— Ты чего, из-за Сан Саныча? Не переживай ты так, — начал я его успокаивать, — Слоновой был хороший мужик, а те, кто это сделал, свое получают...

— Марсела уехала, — перебил меня Сергей, лицо его выражало совершеннейшее отчаянье.

— Как уехала, — опешил я, — вы же были вместе? Были?

— Были. — Сергей растерянно развел руками.

— И что, ей так не понравилось? — насмешливо спросила Наташа. Сергей нахмурился:

— Я не знаю. Я отлучился на пару минут в магазин за вином и конфетами, чтоб немного ее побаловать, вернулся, а ее уже нет. Только записку оставила, что уезжает на родину в Хакасию. Что давно собиралась и купила билет заранее, просто не хотела расстраивать всех нас. И благодарит меня за прекрасный вечер.

— Тогда ничего страшного, она побудет на родине, передохнет и возвратится назад.

— Вряд ли.

— Поэтому ты расстроен? — сочувствуя, спросила Наташа.

— Поэтому, и не только. Мне так и не удалось ее поцеловать.

— Ты так и не поцеловал ее, хотя вы были вместе?

— Да, были. Нет, не поцеловал. Она не захотела целоваться со мной. — На глазах у Сергея снова появились слезы.

Наташа присела рядом с ним на скамейку, приобняла за плечи, начала нашептывать слова утешения. Она это умеет лучше меня.

Я вошел в здание. Слепяющий свет всех ламп заливал вахту. Слава тревожно всматривался в окно.

— Тебя так и не поменяли? — удивился я.

— Где ты шляешься? — вместо ответа набросился на меня вахтер, впрочем, без крика, пряча слова в полусшепоте. — Тут такое происходит...

— Да знаю я, — отмахнулся я и направился к лестнице.

— Что ты знаешь? — остановил меня Слава. — Ты знаешь, что шарыпозавр ожил и идет сюда? Многие, кто работал над макетом в том же помещении, ранены. Никто не погиб вроде, и то слава Богу.

— Ожил? — переспросил я. — Там же кости одни, он же ископаемый.

— Я не знаю, как такое возможно. Вы же палеонтологией занимаетесь, вам виднее. Наверное, вам не все известно о свойствах древних животных, может быть, у них есть способность к воскрешению.

— Не болтай ерунды. И кто вообще тебе сообщил эту чушь? Губилов опять звонил? Сколько можно звонить, когда он, наконец, появится? Год здесь работаю и воочию его еще не видел... Лишь по телефону приказы раздает, ишь ты, какой занятой начальник...

— Нет, Губилов не звонил, сообщил кто-то из администрации, я не знаю, кто именно, тот, кто успел до телефона добраться, они там все по углам попрятались в панике. Сказали, шарыпозавр направляется к нам, потому что здесь хранятся кости его сородичей и вообще всех животных, которых больше не существует. Может быть, он может их оживить? Как Христос во время второго пришествия? Может быть, у зверей есть свой собственный Иисус Христос, и это именно наше чудище?

Я сплюнул.

— Слава, ты идиот, роликов в ютьюбе посмотрелся или что с тобой? Не лезь в дела, в которых ты ничего не понимаешь. Сидеть на стуле и пялиться в экран — вот твоя работа.

Слава покорно повернулся к экрану, взгляд его мгновенно окamenел. Я подошел и из-за Славиной спины глянул в камеры, в сумерках сперва ничего не заметив. Но спустя несколько секунд взгляд мой также одеревенел: по двору гуляло гигантское пятиметровое существо с длинным хвостом, маленькой головой, изогнутой спиной, украшенной многочисленными треугольными пластинами. Ни Сергея, ни Наташи не было на лавочке. «Будем надеяться, что они спрятались», — подумал я про себя.

— Запри дверь, — быстро скомандовал я Славе, — а я наверх. Кто в здании?

— Не знаю, — пролепетал вахтер, — Игорь точно, Люда была, Галина Ивановна, скорее всего, ушла раньше. Александра Константиновна пила чай, она долго пьет, ты знаешь, а дальше... Дремал я, не помню.

— Бог с ними. — Я взлетел по лестнице, ворвался в свой кабинет, ринулся к шкафу.

Там хранилось специальное оптическое ружье убойной силы, разработанное одним из наших умельцев для охоты на древних ящеров. Над умельцем потешались все кому не лень, ведь известно, что ящеры вымерли и охотиться на них не придется, однако чудак упрямо повторял, что ни одно живое существо не пропало бесследно и что все, кто когда-то существовал на земле, обязательно вернуться сюда снова. Я тоже ему не очень верил, но ружье взял больше для сохранности, чем в надежде его реально использовать. И вот теперь, как это порою бывает, тот, кого сочли сумасшедшим, оказался пророком. Я извлек оружие из чехла, осмотрел его. Ши-

рокий ствол, патроны каждый по полкилограмма — настоящая маленькая пушка. Глянул в компьютер в камеры наблюдения, чтобы понять, что сейчас происходит. Динозавр принюхивался к чему-то во дворе, словно большая любопытная псина. Или, скорее, ковырял какую-то грудку — ведь, как мне помнится, по науке у них почти отсутствует обоняние. Я пробежался по камерам внутреннего наблюдения: кабинеты в здании пустовали. Даже Игоря не было на рабочем месте. Не было ни Люды, ни Галины Ивановны, ни Александры Константиновны, поляки, очевидно, ушли еще раньше. Я включил наблюдение за хранилищами: Игорь копошился в моем отделе, в шкафу, где хранилась антропология. Наверное, и Люда, и Галина Ивановна и вправду ушли, ведь был почти конец рабочего дня, а Игорь, заканчивая диссертацию, часто работал и ночью. Но брать что-либо из хранилища без разрешения ответственного за него строжайше запрещено и приравнивается к краже. Я бегом спустился на этаж ниже, вбежал в свой отдел, хлопнув дверью, чтоб не испугать Игоря внезапным своим появлением. Игорь так же сидел на корточках перед шкафом с антропологией, каким я его увидел минуту назад в камере наблюдения. Вокруг него в беспорядке одна на другой стояли коробки с человеческими черепами. Некоторые, мои любимые, я узнал сразу: череп девушки с сохранившимися волосами, уложенными в прическу, с голубой ленточкой, восемнадцатый век, захоронение обнаружено в центре города, азиатка; прическа и ленточка особенно трогательны, многие гости моего хранилища любят фотографироваться с черепом этой красотки в руках, некоторые, не особо разумные и деликатные, изображают с ней поцелуйчик; потом фотографии выкладываются в социальные сети, где моя красавица, наверняка, уже знаменитость спустя триста лет после смерти. Рядом с черепом девушки — череп мужчины, более древний, VIII-V века до нашей эры, тагарская культура, височная кость пробита, очевидно, воин, все тогда были воинами, возраст смерти — лет тридцать; по тем временам — старик. В моем шкафу они стоят рядом, как будто вместе, как будто пара, хотя разница в возрасте более двух тысяч лет — впечатляет. Теперь они на полу, и Игорь даже не думает спросить у меня позволения с ними работать. Он даже не удостаивает меня приветствием или хотя бы кивком вежливости.

— Что ты здесь делаешь? — наконец, произношу я.

— Работаю, — хладнокровно отвечает незванный гость.

— Ты не можешь работать здесь без моего согласия.

— Мне срочно нужно для диссертации. — Игорь по-прежнему занят содержимым шкафа и на меня не смотрит. — Я хотел тебя спросить, но тебя никогда нет на месте. Вас никого нет. Такое ощущение, что в отделе работаю только я.

Я смутился. В его словах была правда.

— Ладно, ты прав, — проговорил я, — меня действительно не было. Если хочешь, работай, конечно... Хочешь забрать их к себе?

Игорь кивнул.

— Я помогу, — засуетился я, — какие тебе нужны?

Игорь посмотрел на меня странно, потом обвел взглядом коробки.

— Хорошо, отнеси вот эти, мне одному за раз не справиться. — Он подтолкнул ко мне несколько незнакомых мне черепов. Девушка с ленточкой и война он отложил в сторону.

— Их тоже возьмешь? — Я кивнул на своих любимцев.

— Да, я их сам принесу. Мне они нужны для сравнения разных эпох. Древность, новое время и современность.

Я подхватил коробки и зашагал к кабинету Игоря. В полумраке маленькой комнатки мерцал монитор компьютера, на столе и на полу стояли коробки с человеческими черепами. Я скользнул взглядом по номерам. Большинство черепов относилось к основному фонду хранения, имея соответствующую инвентарную классификацию, некоторые причислялись к вспомогательному фонду, другие же и вовсе были без номеров. Неплохо владея этой частью своей работы, я несказанно удивился: черепов в хранилище не так много и совсем безномерных среди них нет. Антропология — очень серьезная область изучения в нашей конторе, ей уделяется повышенное внимание; мы переписываемся со специалистами из других регионов страны, из заграницы, обмениваемся визитами, создаем совместные каталоги, наши образцы являются материалом для многих кандидатских и докторских диссертаций, и, естественно, все, что находится в секции антропологии, грамотно учтено и оформлено так, что практически не подлежит списанию ни в каком случае. Чтобы избавиться от предмета, относящегося к основному фонду хранения, нужна министерская комиссия, со вспомогательным фондом процедура попроще, но тоже весьма хлопотливая. А тут у Игоря на столе множество образцов вообще неучтенных...

Хочешь — забирай их домой или открывай собственную лабораторию, никто и не хватится. Как такое возможно в принципе?

Я беру в руки один череп, другой, третий... Надписи ОФ (основной фонд), ВФ (вспомогательный фонд)... МК — что это вообще значит? НП? СС? ГИ? ТИ? Игорь наблюдает за мной насмешливо из дверного проема, он подошел совсем незаметно, почти подкрался.

— Что это за классификация такая, не пойму? — спрашиваю я его подозрительно.

— Куда тебе! — усмехается Игорь. — Что ты вообще понимаешь? Ты же не любитель даже — профан. Что ты вообще здесь делаешь — работаешь? Ага, как же! Дурака валяешь целыми днями. Да и вы все... Чем вы здесь заняты? Штаны протираете, юбки? Чай пьете? Водку? По базе гуляете каждый день, закупаете по дешевке домой продукты? В этом ваша работа?

Он почти перешел на крик, но голос просел, и Игорь закашлялся, опустил на стул у двери, вздохнул.

— А я работаю, у меня труд научный, я двигаться хочу, развиваться, идти вперед, делать карьеру, побеждать. Я — победитель, понимаешь? — Он посмотрел на меня, будто и вправду рассчитывал на понимание.

И я его понял. Сказал, что понял.

— Понимаю, конечно, — внятно и спокойно проговорил я, — мы все уважаем тебя за твою целеустремленность, за твой характер, ты — молодец. И ты прав: мы не такие, не бойцы мы — размазни, рохли. А ты... Мы тобой восхищаемся.

— Не нужно мне ваше восхищение. И ничье восхищение или одобрение мне не нужно, — перебил меня Игорь, — мне нужно, что вы оставили меня в покое, не мешали работать, и все. А вы постоянно возитесь с какими-то выдуманными делами, проблемами, топаете, стучите, трахаетесь уже по углам — вот до чего дошло ваше разгильдяйство. Были бы вы хотя бы талантливы, но нет, вы все бездарны, как один. Ленивы, безынициативны...

Он снова вздохнул.

— Оставь коробки и уходи, мне работать надо, — устало проговорил он.

— Со своей работой ты совсем отключился от реальности. Ты хоть знаешь, что в мире творится? Сан Саныч погиб, Марсела уеха-

ла на родину, шарыпозавр ожил и гуляет у нас по двору, Серега и Наташа пропали...

— Еще киргизы исчезли, — мрачно добавил он, — те, которые китайцы.

— Откуда ты знаешь? Губилов звонил?

— Откуда знаю? — Он поманил меня пальцем к компьютеру.

На мониторе в лучшем разрешении, чем у меня, просматривался весь двор, все кабинеты и даже внешний въезд и мистический перекресток. Шарыпозавра во дворе не было видно, но посреди двора грудой скомканных рваных тел лежали еще недавно живые киргизы. Я вспомнил войлочную шапку Баркова и подозрительную шерсть у него на плечах.

— Кто же их укокошил, Барков? — спросил я наивно. — Он в два счета свежует медведя, так что распотрошить человека для него задача осуществимая. А Губилов хотя бы в курсе?

Игорь расхохотался, светодиоды сверкнули в его глазницах.

— Не существует никакого Губилова, остолоп. Ты когда-нибудь Губилова видел?

Я отрицательно помотал головой.

— И никто не видел. Потому что его и нет. Это я вам названивал от его имени, чтобы хоть как-то вас контролировать и управлять вами.

Я опешил.

— Не может этого быть. Голос, как ты менял голос?

— С современным развитием программного обеспечения изменить голос не составляет большого труда.

— Но мы могли поехать в главный корпус и все узнать?

— Могли. Но вы никогда туда не ездите, там нет дешевых магазинов с продуктами или удобных скамеек для отдыха. Впрочем, в главном корпусе тоже многие думают, что Губилов существует... — Он усмехнулся.

Коробки с черепами, которые я до сих пор держал в руках, сами собой рухнули на пол.

— Но зачем тебе это все?

— Затем, что вы — прошлое, вы — пыль, вас смахнуть надо. Вы вообще не должны существовать. Весь мир трудится, впахивает, тянется к прибыли, к эффективности, к росту. А такие, как ты, как вся ваша компания, — словно кандалы, сковывающие это движение. Вы как болезнь, как опухоль, которую вылечить невозможно.

но, можно лишь удалить хирургическим путем. И тут не должно быть жалости — только решимость и понимание того, что, если от вас не избавиться, из мира уйдет прогресс, все ценное и достойное, все стремящееся к свету знаний, к развитию погибнет, утонет в безделье, бездействии. Все, что творило человечество на протяжении всей своей истории, создано вопреки таким, как ты, слабохарактерным, вальяжным, самодовольным мерзавцам, смотрящим на творцов, на истинных подвижников свысока. Вы все на меня так смотрели...

Нетвердым шагом, мимо Игоря, боясь споткнуться о тут и там расставленные, раскиданные образцы, я покинул маленькую мрачную комнатку и направился к лестнице, пытаюсь упорядочить сумбур в голове. Дойдя до лестничной площадки, я услышал внизу глубокое густое сопение древнего гигантского зверя. Шарыпозавр поднимался к нам на этаж. На секунду у меня промелькнула мысль юркнуть обратно в кабинет Игоря и запереться, спрятаться там, в надежде, что ящер не заинтересуется маленькой комнаткой, но, чем снова оказаться наедине со своим начальником, я предпочел взглянуть в лицо смерти.

Шарыпозавр, покачивая огромными боками, которые едва помещались в нашем недавно расширенном рабочими из Южной Кореи коридоре, поклевывая крохотной головой, шел прямо на меня. Нельзя смотреть в глаза диким животным, но я посмотрел. И увидел в ответном взгляде шарыпозавра усмешку, легкую и снисходительную. Над чем он смеялся — над нами или над нашим временем? Пристально и игриво глядя мне прямо в душу, он проплыл мимо; мне показалось, или он действительно прошептал, когда его головка проплывала в двадцати сантиметрах от моего лица: «Пакицет»? И тут я понял: конечно, он узнал меня, поэтому он улыбался. Он признал во мне вымершего собрата, исчезнувшего с земли миллионы лет назад, существо, когда-то бывшее живым и чьи останки теперь щиплют и калечат ученые, шлифуя их мастерками и заливая клеем. Шарыпозавр завернул в кабинет Игоря, откуда через мгновение донесся грохот и слабый стон. Затем наступила благословенная тишина.

«Спи спокойной, дорогой начальник», — прозвучал во мне незнакомый голос, сердечный и ласковый, успокаивающий, родной.

Ошарашенный такой странной и значительной встречей, я медленно спустился по лестнице. К Славе, наконец, пришел сменщик: на месте вахтера восседала Александра Константиновна с затейливым вязаньем в руках.

— Пенсия у меня маленькая, вот я и решила на вахте у нас посидеть, — завидев меня, заворковала старушка, — да и скучно целыми днями дома, мои все на работах, поговорить не с кем. А тут вы, вы же мне как семья, как я без вас?

Я миновал двор с кучей мертвых людей посередине, возле которой растерянно скулил Дик, вышел на улицу, приблизился к мистическому перекрестку. По дороге безостановочно неслись машины, не замечая яркие свежие полосы пешеходного перехода. На другой стороне улицы тенью маячила Серафима Степановна, но в этот раз она прогуливалась не одна: рядом с ней, изогнувшись над ее ухом, рассказывал свои всегдашние байки Николай Петрович; Марсела Кирилловна с Галиной Ивановной обсуждали хозяйственные дела; Татьяна Ивановна как будто молилась, держась за ствол небольшого тополя; тень Сереги заигрывала с идеально сложенной тенью Наташи (кажется, она собиралась в Таиланд к новому жениху); почти у самой остановки, сливаясь с ночной темнотой, скрючившись, сидел чучельник Барков; Сан Саньч Слоновой тоже там? Я не мог разглядеть, как следует, но совершенно точно — там были и другие тени. И они звали меня, махали руками и улыбались.

